

Колмогорова Наталья Ивановна

ВТРОЁМ НА ОБЛАКЕ

Последнее, что я запомнил – ветер,
Горячий ветер взрывной волны,
Вижу: на облаке,
Обгоняя друг друга – дети,
Невинные души грязной войны.
И я за ними ввысь поспешил,
Крикнул: - Эй, сорванцы!
Где ваши матери, где отцы,
И кто вас одних отпустил?

Тот, который постарше,
Полоснул меня взглядом, как бритвой,
На щеках – застывшие кровь и копоть:
- Батька мой – гарный хлопец!
Погиб смертью храбрых в жестокой битве,
А мати сгинула под завалом,
Костей – не собрать! –
А мы с новым другом Ванькой
(Он погиб вчора под Донецком,
Где-то в районе Советском)
Потому что не смог убежать
От пули, попавшей в висок...
Скажи, было так, Ванёк?

Ванька сидит на облаке,
И смешно болтает ногами...
Над нами – небесный колокол,
И ад крошечный – под нами...
Я старшего тихо спросил:
- Тебя-то как звать? – Василь.
А младший спросил не глядя:
- А ты кто такой будешь, дядя?
Я махнул культёй окровавленной:
- Я-то?.. Новопреставленный.
Я тут оказался случайно совсем,
Вышел из дома примерно в семь,
Пошёл в магазин за хлебом,

А тут – бац! – прилетело,
И вот, здравствуй, Господь,
Здравствуй, небо!

Вы шибко-то тут не шалите,
Негоже на небе шалить,
С Землёй попрощались?.. Летите!
Уж коль не случилось пожить...
Что-то Ангелов ваших не зрю,
Доколе вам быть в разлуке? -
Истинно вам, пацаны, говорю –
Сдал бы Ангелам вас на поруки...

Только промолвил, как ангельский свет
Весь небосвод озарил,
Две детских души - золотой первоцвет -
Улетели под шелест крыл...
По небу разлилась весенняя синь,
И было до слёз мне жаль:
Как мало пожил украИнский Василь,
И Ванька, который - «москаль».
А ветер Земли и суров, и горяч,
И снова разносит беду,
По небосклону, от горя – незряч,
Я снова за хлебом иду...

МУЖЕСТВО

Я, мама, не родился храбрым,
Про смелость в книгах лишь читал,
И под высоким сводом храма
Не так уж часто и бывал.

Но для меня всегда примером
Был подвиг деда на войне...
На СВО, одним из первых,
Ушёл по огненной стерне.

Здесь, что Андрей – то Первозванный,
Здесь каждый знает, смерти – нет!
И крест нательный православный

Не раз спасал меня от бед...

Да, мы держали оборону
Сегодня утром, за грядой,
Я обнаружил в небе дроны,
И с командиром принял бой...

Семья, работа, дом, рутина –
Я не был в жизни храбрецом,
Но жизнь спасал я командиру,
Когда ударил дрон свинцом.

А жизнь, она бесценна – точно!
Вдруг слышу, рядом - шорох крыл...
Уйду за радугу досрочно -
Как жаль, жену не долюбил!

Мы с младшим сыном так похожи,
Со старшим тоже сходство есть.
Мальчишки! Знайте, что дороже
Всех благ - достоинство и честь!

А у жены, как небо, сини
Глаза, и очень добрый взгляд...
По всем, погибшим за Россию,
Пусть литургию отзвонят.

И вы две жизни проживите,
Товарищ старший командир,
А я теперь небесный житель,
Прощай, огромный бранный мир!

В садах здесь утопают храмы,
И небо – цвета «фиолет»...
Твой сын всегда был храбрым, мама,
Как не пришедший с фронта дед.

АКАФИСТ МИРУ

Замесить бы хлебушек на квасе,
Закатить бы для соседей пир...

Ничего нет слаще на Донбассе,
Чем надёжный, долгожданный мир!

Тишины, настоящей на травах –
Мяте, зверобое, чабреце,
А не той, что прячется в оврагах
И глядит зловеще сквозь прицел.

Слышу, как в саду твоём под вечер,
Горлицей вопит, кричит беда,
И горчит знакомый южный ветер,
И гудят натужно провода.

Крутит солнце золотую пряжу,
Вновь набат, и гул из-за реки,
Вновь в подвалы прячутся от страха
Женщины, детишки, старики.

Вновь гроза и всполохи фугаса,
Тучи встали, как одна, в ранжир...
Ничего нет слаще для Донбасса,
Чем надёжный, долгожданный мир!

Вновь рябит вода в святой купели,
И с мольбой глядит иконостас,
Никогда не встанет на колени
И не сдастся нечисти Донбасс!..

Пусть над крышей голубеет небо,
Пусть воронки зарастут травой,
И домашним пахнет воздух хлебом,
А не кровью, горем и войной.

Пусть твои бедовые мальчишки,
Повзрослев как будто сгоряча,
Про войну читают только в книжках,
От реальной боли не крича!

Пусть гнездо совьёт на крыше аист,
Облака бегут по синеве,
И читает небесам акафист
Самый мирный ветер на земле.

СИНЕГЛАЗКА

Ночь догорает, будто спичка, горячий шёпот, чей-то бред.
Гангрена. Кровь. - Воды, сестричка! –
Скрипя зубами, просит дед. Война. Разруха. Лазарет.
Восток по небу – сукровицей, заря глядит в пустой зрачок,
Знать, всё же помер старичок... Июль. Зловонная жара.
И кто-то с самого утра: - Помилуй, мя! Сестра! Сестра!

Кровавой ватой облака плывут по небу вдаль куда-то...
- Сестра, я жив? - Живой пока.
И на холодный лоб солдата ложится тёплая рука.
Невыносимо. Дико. Жутко! И боль лишает нас рассудка,
По капле утекает жизнь... - Держись, родименький, держись!
Карболка, йод, новокаин. Свинцовый град. Осколки мин.
Увы, помочь сестра не в силах, когда течёт отравы в жилах,
И смерть, от имени Христа, целует раненых в уста...

Ей, вместо платья выпускного – пропахший порошком халат.
- Ну, что ж, гражданка Иванова, - майор взглянул почти сурово, -
Вас направляем в Медсанбат.
Она мечтает отоспаться, но снова раненых везут:
Зёленка, морфий, шина, жгут, бинтов нестиранных гора,
И тут, и там кричат: - Сестра! Как величать-то, Синеглазка?
Крик боли, морфий, перевязка, а в небе, полном тишины –
Таблетка горькая луны...

Её мы кликали «сестричкой», и оглянувшись вдруг назад,
Я вспоминаю медсанбат, военных будней переключку
И тех, не выживших солдат, и ангела в халате белом.
Внутри её плескался свет! И пусть поблекнут жизни краски,
Улыбку нашей Синеглазки я вспомню через тыщу лет...
Ведь подвигу забвенья – нет.

МАРУСИНА ПОЧТА

Плачет Маруся ночами,
Горькие слёзы льёт,
Лихо стоит за плечами -
Сорок четвёртый год.

Век бы не знать Марусю! –

Люди отводят взгляд...
С гулом летит над Русью
Огненный камнепад.

Маруся наденет валенки,
Через плечо – котомка...
Не повезло ей, маленькой,
Стать в войну почтальонкой!

То по замёрзшей пашне,
То по замёрзшим лужам...
Как же Марусе страшно
Нести похоронки людям!

Мысли с душой – в раздоре,
Сердце рвётся на части,
Маруся разносит горе
И сеет вокруг несчастье.

Ах ты, кручина-долюшка!
Слёзы – как море синее,
Сколько пролилось горюшка
Над золотой Россией!

Худенькая девчонка,
Давно разучилась смеяться,
Трудно быть почтальонкой,
Если всего - семнадцать...

Ночами Марусе снится
Холод внутри конверта,
Сельчан дорогие лица,
Герои войны – посмертно.

Нет ничего тяжелее,
Труднее всего на свете,
Для маленьких хрупких женщин –
Чувствовать близость смерти...

Летит золотая пчёлка,
Покинув тепло избушки,
Девочка – почтальонка,

Рыжие конопушки.

Откуда брала только силы?
Сказать я теперь не берусь...
Сколько в моей России
Было таких «Марусь»?

Смерть не щадит солдата,
Но я бы поклясться мог:
Выбывшим адресатам
Письма приходят в срок.

ЧТО СО МНОЙ НЕ ТАК?

Что со мной не так? Где найти ответ?
Вроде, есть война, но как будто – нет!
Что со мной – не так? Лик луны в окне,
Ночь чеканит шаг в мёртвой тишине,
И уютный быт у меня вполне,
Будто нет войны... Но она – во мне!
Выжжен каждый нерв, до золы, дотла,
Точит, будто червь, изнутри она,
Больно бьют по дых – сводки, как картечь,
Кровью молодых поливая твердь...
С нами что – не так? Стали мы зверьми?
Мир, сквозь боль и страх, строим на крови?
И в висках – набат, и в душе - сквозняк...
Это наш солдат брал вчера Рейхстаг!
Он прошёл Берлин, Курск и Сталинград...
Так за чей же мир бился наш солдат?
Вспомните Хатынь, в Бабьем Яре – стон,
Слёзы да полынь, Бухенвальда звон!
Деды и отцы проливали кровь,
А теперь юнцы «Хайль!» лепечут вновь.
Шоу на ТэВэ, развесёлый пляс...
Но Луганск – в огне, и бомбят Донбасс!
Шоу-маскарад, зрелищный размах,
Но везут ребят в цинковых гробах.
Что со мной не так? - Солнышко в окне...
Вроде, нет войны. Но война – во мне!

БЕСЕДА С ДЕДОМ

(памяти Василия Прохорова и всем, погибшим в ВОВ)

Вчера дед Василий приснился,

Исподволь смотрит,

Вздыхает тяжело:

- Пошто, - говорит, - Наташка,

Глаз до меня не кажешь?..

И, пряча в усах ухмылку,

Горько добавил дед:

- Пришла бы хоть раз

Ко мне на могилку

За эти десятки лет.

Тут у нас повилика,

Словно лоза винограда,

Вьётся у самых ног,

И в кроне соседней берёзы

Нежится ветерок...

А мы на веки остались

Лежать безмятежно тут –

Русский, татарин, якут...

Идут ли косые дожди,

Летит ли лебяжий снег,

Мы делим по-братски могилу,

Размером три на четыре,

Напополам, на всех...

Ответь мне скорей, Наташка:

- Как вам живётся в мире?

Ладно ли всё у вас?

Ты б навестила меня хоть разок,

Соскучился дюже,

Май на носу, аккурат -

Вишнёвой метелью вьюжит...

Внучка, я буду рад!

- Здравствуй, любимый дед!

Время – река, а мы – облака,

Память – пчелиные соты,

Тебе навсегда годков тридцать пять,

Как на военном фото...

А с болью, ты знаешь, нет сладу!

И всё потому,

Что два отпуска кряду,
Могилку твою я искала,
Среди бузины и кустов краснотала,
Но ни один навигатор дорог
В поисках мне не помог...
А в храме всегда я за твой упокой
Ставила, деда, свечУ,
Знаю, дедушка, ты – герой!
Об остальном умолчу...
Но знаю точно, наверняка:
Со злом продолжается бой!
Ты воин Небесного, дед, полка,
И мы гордимся тобой!
Вот только сердце от горя болит,
Знаешь, есть обстоятельства...
Гложат душу обида и стыд
За подлость иных и предательство...

Дед Василий нахмурил бровь,
Смерил тяжёлым взглядом:
- Что, Наташка, фашисты вновь
Дышат злобой и смрадом?
Ты мне всё, как есть, обскажи,
Негоже о том молчать!
Мы в два счёта, против вражин,
Скличем Небесную рать!
За что я, Наташка, в танке горел?
А Петка прошёл Бухенвальд?
А брат мой, Алёшка? - Ослеп, поседел,
Когда защищал Сталинград...
Не бойся, Наташка, доверься судьбе,
Для Правды наступит черёд,
Друг настоящий виден в беде,
Продажным «друзьям» - отворот!
Память предавший и подвиг отцов
Награды достоин вряд ли,
Помни, внучка, завет мой таков:
«Сила и святость – в Правде!..»

Глаза приоткрыла: весенний рассвет,
Плеяда звёзд Андромеды...

Мы ничего не забыли, дед -
Внуки твоей Победы!

ЧУГУННАЯ ПАМЯТЬ

(жертвам Холокоста посвящается)

Берег Дуная. Ветер колышет
Чёрную гладь реки...
Тише! Пожалуйста, тише!
Не стучите мои каблуки;
Мрачные воды Дуная
Не тревожьте всуе, напрасно...
Если смотреть, не моргая –
Вода отливает красным.
О каменный берег бьётся волна,
Будто скорбит вместе с нами -
Тяжеловесна и холодна...
Видно, отлита эта волна
Из чугуна и стали...

И небо сплавом чугунным,
Разинув огромный рот,
Вот-вот упадёт бесшумно,
Вот-вот упадёт бездумно
В чёрную бездну вод.

В висках – металлический скрежет и звон,
А сердце чуть-чуть - и выскочит...
Под ветра холодный порыв и стон
Мне слышится: - Тысяча! Тысяча!

В небе не видно ни солнца, ни звёзд,
Ночь или день – не понять...
Сердце набатом стучит – «Холокост»!
Будто вонзает в грудину гвоздь,
И дрожь, как боль, не унять.
Нервной шеренгой у края реки -
Туфли, ботинки, тапки...
И жмутся детские башмачки,
Как будто котята или щенки
К женским ботинкам зябко.

Стёрта подошва, оторван бант
Но туфли – всегда на посту...
Когда же, когда возвратятся назад
Те, кто шагнул за черту?
Дождь над Дунаем – как из свинца,
Дно у реки – погост...
Каждая пара прошла б до конца,
Каждая песня – для молодца,
Если бы не Холокост!

Вот и скамья, не чувствую ног,
День на исходе мая...
Солнце на небе – красный венок!
Грохот фашистских грязных сапог
Эхом доносит память.
Так и бредут вдоль притихшей реки
Туфли, сандалии, башмаки...
Но каждый чугунный тяжёлый собрат –
Крайне стойкий Солдат.